

18+

ТАТЬЯНА ТАРАН

**ДОРОГА
НА ГОРНОСТАЙ**

Татьяна Гавриловна Таран

Дорога на Горностай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63584206

ISBN 9785005196910

Аннотация

В романе «Дорога на Горностай» автор пишет о необходимости выбора, который жёстко и бескомпромиссно встаёт перед главным героем. Что делать, если разрушены все устоявшиеся правила? По какой дороге идти, если финал в любом случае непредсказуем? И что считать «делом всей жизни» в конце пути? Книга погружает в частную жизнь персонажей, фоном идёт атмосфера последних десятилетий. Захватывающий сюжет, плотный текст, где каждое слово – на своем месте.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Фото на обложке	5
Глава 2. Рефлексия	15
Глава 3. Джинсы Вовки-моряка	21
Глава 4. На восток	27
Часть вторая	33
Глава 1. Город	33
Глава 2. Выбор	37
Глава 3. Ирина	45
Часть третья	52
Глава 1. Бухта	52
Глава 2. Кампучия	58
Глава 3. Ниночка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дорога на Горноста́й

Татьяна Гавриловна Таран

Редактор А. Капустюк

Литературный редактор Д. Коваленин

Корректор А. Костяная

Дизайн Г. Котлярова

© Татьяна Гавриловна Таран, 2020

ISBN 978-5-0051-9691-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава 1. Фото на обложке

– Напишут же, писатели... – Сергей Семёнович Дорохов придиричливо посмотрел на обложку. – «Дело всей его жизни»? Не громко ли для названия?

Под его собственной фотографией курсивом бежала подпись: «Интервью с экспертом яхтенного дела – на пятой странице номера». Только что прочитанный текст вызвал у Дорохова двоякое чувство. С одной стороны, приятно видеть свой портрет в журнале, а с другой – осталась какая-то неясная досада.

Сегодня утром владелец яхт-клуба «На семи ветрах» начал рабочий день, как и всегда, с чтения свежей прессы.

Секретарша Леночка принесла на одном подносе с утренним кофе ворох газет и журналов. Привычка директора яхт-клуба листать по утрам свежую прессу не канула в Лету с изобретением Интернета. Там пишут коротко, торопясь всё сообщить быстрее других. В телефоне у Дорохова инфолента настроена и вовсе на одни заголовки. Вечером перед сном, лёжа в кровати, он пролистывал их, иногда останавливаясь на спортивных новостях.

Утренние газеты и журналы – совсем другое дело. Словно

дань прошлому, в котором события недавних дней обсуждались на страницах прессы толково, без спешки, с комментариями специалистов и выводами газетчиков. Первый час каждого рабочего дня Сергей Семёнович посвящал этому ритуалу. Расположившись в своём удобном директорском кресле, сначала читал центральные газеты, чтобы узнать, чем дышит столица, какой тон задаёт стране. Потом местные издания – форматом поменьше, с фотографиями знаковых мест и людей. Журналы он утром только просматривал, и если что-нибудь заинтересовало, оставлял между страниц цветную закладку на липучке, чтобы позже, когда будет свободное время, вернуться к тексту и прочитать внимательно.

Сегодня порядок чтения был нарушен, потому что Леночка, ловко развернувшись с пустым подносом у стола шефа, сказала:

– Сергей Семёнович, а тут про вас статья! Я сразу на обложке увидела. Вы здесь солидный, и шрифт большой в заголовке, яхты наши красивые. Кофе, пожалуйста, – вы же любите с пенкой. Пока читаете, не беспокоить?

– Да, как обычно. Ступай, – отпустил начальник девушку с неброской внешностью.

Густо накрашенные ресницы Леночки не могли увеличить её маленьких глаз. А высокий каблук туфель не прибавлял росту.

К секретаршам у Дорохова отношение особое. С тех пор, как пятнадцать лет назад жена Ирина устроила прямо в при-

ёмной безобразную сцену ревности его ни в чём не повинной помощнице Людмиле Николаевне, в секретарши он брал девушек исключительно по деловым качествам.

Людмила была сотрудницей грамотной, внимательной к посетителям, хорошо знала делопроизводство, безупречно выполняла все поручения шефа. Ни разу не подвела его. Муж её работал тут же, на причале, электриком, в их семье — двое мальчишек. Летом они возились у лодок вместе с отцом. Ни у кого из персонала яхт-клуба не возникало и тени подозрения на адюльтер шефа с помощницей. Но Ирина почему-то решила, что связь между ними есть.

Людмила была молода и красива. Видно, это последнее обстоятельство и привело жену к мысли, что муж изменяет ей именно с секретаршей. Как пить дать, наслушалась подобных историй от знакомых, начиталась в дамских романах или посмотрелась в сериалах по телевизору.

Сотрудницу в приёмной винить было не в чем, гневалась супруга напрасно — от незнания, от ревности, от чего угодно. Только не от истинного положения дел. Когда ситуация прояснилась, нелепый, безобразный скандал был потушен с немалыми потерями: Людмила Николаевна, честно служившая шефу с начала девяностых годов, обиду простить не смогла и уволилась, несмотря на уговоры.

С тех пор секретарши в его приёмной надолго не задерживались. Может, не нравился строгий тон начальника? Дорохов общался с ними сухо, по-деловому.

На работу он брал выпускниц университета с хорошим знанием иностранного языка. Переписка с заграничными верфями велась на английском, который Сергей Семёнович в институте учил, но совсем не по яхтенному профилю. Да и что знал, уже забыл основательно.

По внешним данным отбирал почти формально: чем незаметней, тем лучше. Не хотел повторения скандалов, хотя бывшей жене до его помощниц дела уже не было. И до него самого — тоже.

Однако первый урок хорошо усвоен. Красивых секретарш пусть показывают в кино, а в яхт-клубе это ни к чему. Здесь главное — лодки.

Сегодня Сергей нарушил обычное правило читать вначале «Российскую газету» и сразу взялся за журнал. Текст интервью согласовали с ним заранее, но интересно посмотреть его на бумажных страницах. Распечатку из электронной почты видел лишь он один. А сейчас его мысли читают многие.

Что-то не так в этой статье... Неприятное чувство не отпускало Дорохова после прочтения.

Какой у них тираж? Так. Сергей Семёнович заглянул в выходные данные.

«Пять тысяч? Немало! Сколько знакомых это увидит, разговоров не оберёшься... Расхвастался тут, пижон: „дело всей жизни“... Я такого не говорил, но кому теперь это докажешь?»

Что же не понравилось ему в статье? Написано вроде

всё правильно. Лодки, бизнес, бассейн. Ресторан, гостиница. Благотворительность. Соревнования, выставки. Всё так... И что-то не так.

Послевкусие – не то.

С обложки журнала на Дорохова уверенным взглядом смотрел удачливый бизнесмен. Благородная седина, короткая аккуратная стрижка. Белая рубашка под тёмно-синим пиджаком. Еле заметные полосы на нём смягчают строгий стиль. Если приглядеться – да, пиджак маловат. Ткань обхватила плечи слишком плотно. Руки сложены на груди, манжеты сорочки выглядывают так, словно рукава костюма слегка коротки.

– Так сейчас модно! – сказали ему на фотосъёмке.

Дело сделано, что уж теперь, вздохнул Дорохов. Пусть читают, как есть – текст интервью уже не изменить, и снимка не переделать. Он отложил журнал в сторону и вспомнил, как после ухода корреспондента его терзала фотограф-стилистка. Этот пиджак, упакованный в целлофан, она привезла с собой на вешалке ради красивого кадра.

– Сергей Семёнович, нам сказали, вы никогда не носите костюмы. Но это не тот случай! Наш журнал расходуется по важным кабинетам, там принято носить галстуки! – многозначительно сообщила девушка, обвешанная фотокамерами.

– До важных кабинетов мне дела нет, – только и выдавил Дорохов, утомлённый беседой.

– Хорошо, не для них! – любезно согласилась она. – Но разве вам самому не интересно взглянуть на себя под другим углом? Давайте попробуем! Может, вам даже понравится! Понимаете, у нас журнал деловых людей. Да, спортивный стиль прекрасен в обиходе – я и сама, как видите, по-простому одета. Но статья в журнале – случай особый! Это же навсегда, в интернете ведь тоже публикация будет. У меня с собой всё, что нужно для парадного снимка. Джинсы ваши можно оставить, они в кадр не войдут. А для крупного плана нужно вот это всё: рубашка, пиджак, галстук...

– Ну уж нет! Никогда в жизни галстуков не носил и сейчас не надену! – пытался отстоять своё право на вольность успешный бизнесмен. Но под напором симпатичной девушки всё же переоделся в закутке для частных переговоров – и на съёмку вышел-таки в пиджаке.

«Заголовок – не тот. Ерундовый какой-то! – понял причину своего недовольства Дорохов. – Текст со мной согласовали, а название – нет. Конечно, право редактора – называть как ему нравится. Но я не предполагал, что так выйдет – и так неприятно заденет.

«Дело всей жизни»...

Может, «Вся жизнь – в деле?» – переиначил хозяин светлого кабинета.

В большое окно жизнерадостно било весеннее солнце. Те ни чаек, резвящихся над берегом, мелькали на отполированном директорском столе, словно играя в пятнашки.

«Или всё дело – в жизни? А что у меня за жизнь? Была ли она вообще? Всё дело и дело, одно только дело, а жизни-то и не было, получается? Или была, да куда-то исчезла? Рассосалась, как мартовский припай у берега в бухте?» – размышлял о сущности бытия Сергей Семёнович Дорохов, пятидесятивосьмилетний бизнесмен.

Он встал из-за рабочего стола, подошёл к окну. В любое время года отсюда открывался шикарный вид на уютную бухту в окружении живописных сопок. В одной из многочисленных поездок в Японию Дорохов посетил музей современного искусства. Необычной картиной служила такая же природная красота. Любоваться ею нужно было сидя на скамейке. Стриженные лужайки, сад камней, горные вершины на горизонте, искусственные запруды, открывающиеся взору за чисто вымытым стеклом, порождали иллюзию реального присутствия, словно и не было между садом и человеком стеклянной перегородки.

Место для кабинета Сергей выбрал на втором этаже своего офиса с таким расчётом, чтобы вся гавань с яхтами распахивалась перед глазами. И на природу смотреть любо-дорого – и всё производство как на ладони.

Когда стройка только затевалась, он распорядился, чтобы строители поставили здесь укреплённое стекло от потолка до пола. Архитекторы было заспорили – дескать, в нашем климате так не строят. Дорохов в доказательство предъявил им снимки домов богатеньких американцев на такой же гео-

графической широте.

– В вас крепко засели стереотипы, – сказал тогда директор. – А мыслить следует нестандартно!

Подрядчики вняли пожеланию клиента, и теперь через огромный витраж открывался сногшибательный вид на бухту. Перед тем, как начать переговоры, хозяин кабинета всегда с удовольствием демонстрировал партнёрам свой яхтенный парк за окном. Даже сейчас, в марте, когда яхты расквартированы на пирсе, а не покачиваются на синих волнах уютной гавани, зрелище впечатляет.

Укрытые на зиму от снега и солнца огромными белыми чехлами, эти быстроходные лодки с высокими штурманскими рубками похожи на исполинские башмаки. Или на кроссовки для гигантских спортсменов, в какие обул бы своих героев на утреннюю зарядку писатель Рабле. Синий низ, белый верх. Цветовая гамма фирмы «Адидас» лишь добавляет сходства со спортивной обувью. И шнуровка, как на кедах, имеется: укрывное полотно накрепко перетянута белыми канатами. Иначе длинной зимой разлохматят защиту северные ветры, испортят обшивку дорогих мужских игрушек.

«Дело всей жизни... Да что она знает о моей жизни? – досадовал Дорохов, вспоминая злосчастную журналистку. – Прибежала, пигалица, затараторила: «У меня задание – про яхты и про вас!» Включила диктофон и сидит, ждёт красивую историю. Кто, вообще, её придумал, эту рекламу? Жили ведь раньше без неё, и про лодки как-то знали все, кому

нужно. А теперь – конкуренция, будь она неладна... Не будешь маячить перед публикой – к другим пирсам уйдут. Вот времена настали! Раньше газеты людям платили, а теперь мы им. Я же помню, тёща пришла однажды домой и говорит:

– Вот, три рубля пятнадцать копеек! Заметку мою в «Красном Знамени» опубликовали про наш библиотечный вечер. Почаще бы такие мероприятия освещали, совсем уже культура на отшибе!

Теперь всё наоборот. Даже в годовой бюджет приходится строчку о рекламе вписывать. За свои же деньги свою работу хвалить. Дожили, докатились при капитализме...

Приходит журналистка, вопросы по бумажке читает, заранее готовилась: «Скажите, сколько лет вашему яхт-клубу, и с чего всё начиналось?» Кнопку уже нажала, ждёт подробностей. И что ей рассказывать? Правду? Как я жил и к чему пришёл? Что яхты – это случайность, так выпала карта? Не поверит. И никто не поверит. С таким парком лодок, как здесь, случайностей не бывает.

Теперь не бывает. А тогда, в девяностые, ещё и не такое случалось. Миллионерами становились за полдня. А потом некоторые не доживали и до конца того дня. То воздух в акваланге случайно кончится раньше времени, то сеть на рыбалке нечаянно упадёт на голову, да и утащит в море...»

Дорохов отвернулся от окна. В горизонтальных лучах весеннего солнца, врывающегося через окно-витрину поутру, медленно оседали еле видимые пылинки. Сергей будто заново

во увидел свой кабинет. Музей морского флота, не меньше. Как в историческом фонде Дальневосточного пароходства, куда он водил сына Илью первоклассником на экскурсию. Старый дом с высокими потолками и колоннами посреди зала хранил пожелтевшие вырезки из газет, мундиры знатных моряков, макеты судов как в разрезе, так и целиком. Думал, пойдёт Илья в моря, осуществит мечту отца. А тот что выбрал? Профессию толмача.

Как и переводчица Марина Синица. Любимая женщина, которая не только разбудила сильнейшие чувства в лучшие годы Дорохова, но и превратила его жизнь в труху, в осколки, в сетку на лобовом стекле после аварии, в космическую пыль, в скошенную траву, в жалкий осадок с неприятной горечью полного разочарования в жизни. И оставила его прозябать в одиночестве дальше – не понятно, для кого и зачем.

Была Синица, да не в его руках...

«Интересно, а чем она занималась в начале девяностых? Я-то с Труфановым Америку для себя открывал. – Дорохов мысленно посчитал годы. – Значит, в начале тех буйных лет Марине было восемнадцать. Студенткой, выходит, была. Училась спрягать неправильные глаголы...»

Глава 2. Рефлексия

Сергей Семёнович любил свой кабинет. Здесь хоть какая-то жизнь, общение, встречи, дела. А вечером – опять в свои апартаменты, в одиночество на пятый этаж. Кто тому виной? Сам. Развёлся, потерял семью, новой не получилось. А теперь уже поздно жениться, на пенсию через пару лет, какая свадьба? Разве только – чтоб оказалась рядом живая душа, да подала тот самый стакан воды? Так для этого, если понадобится, в гостинице круглые сутки дежурит врач...

Дорохов обвёл взглядом кабинет.

Повсюду, куда ни глянь, макеты кораблей. Огромные, в размах рук и высотой человеку по пояс. А также маленькие, с ладонь. Разные, с парусами и без. Всех цветов и размеров. Штук сто, на первый взгляд, а то и больше. На столах и полках, в нишах и оконных проёмах. Подставка под календарь – и та с парусом. А ещё по всем стенам развешены картины художников-маринистов. Разве только Айвазовского с его «Девятым валом» не хватает. Вот на эту глухую длинную стену, сразу напротив окна, как раз бы и поместился.

Каждый входящий сюда норовит сделать подарок в тему. Словно круг интересов хозяина кабинета ограничен лишь морем да парусами. Хотя – может, так оно и есть?

Усевшись обратно в кресло, он попытался вернуться

к мысли: что же всё-таки не так в этой журнальной статье? Или дело вовсе не в ней? А в чём тогда? В самой жизни? То есть всё, что он делал, было неправильно? А теперь подвёл «Итоги дня», как в телевизоре, и понял, что жизнь прошла впустую?

Сергей упёрся взглядом в сувенир на столе.

«Обычная стеклянная бутылка с парусником внутри. Но каким макаром его туда засунули? Вот это умение, я понимаю! Дело всей жизни, тонкая ручная работа. Мастер! А я? Обычный коммерсант, каких тысячи. Купил-продал, построил-открыл. Так любой может. А что-то важное в моей жизни – не случилось. Чем гордиться? Что на старости лет сознать как самое главное?» – неотвязно терзал себя Дорохов.

Копошась в глубинах сознания, владелец яхт-клуба «На семи ветрах» никак не мог уловить причину своей досады.

Годами отточенная снисходительная полуулыбка исчезла с лица, две кривые морщины поползли от уголков рта к подбородку. Аккуратно подстриженные усы молодили, и серые глаза ещё блестели. Но возраст в паспорте не поменяешь, как ни притворяйся.

А ещё он как будто стал меньше ростом. Даже пришлось поднять повыше сидение кресла, чтобы проводить совещания на уровне глаз подчинённых. Вставая же, он стал опираться ладонями о столешницу, щадя утративший вся-

кую гибкость позвоночника. Врачи сообщили, что операцию по удалению грыжи не вынесет сердце. Таблетки от давления давно уже стали обязательным приложением к завтраку.

И всё же на людях Сергей Семёнович, несмотря на недуги, старался выглядеть бодро. Взял за правило командовать себе: «Держи спину! Подбородок — выше!» Вроде бы, получалось.

По этой же причине Дорохов предпочитал спортивный стиль одежды. Хотя, возможно, настоящей причиной тому была Марина Сеница? Молодая переводчица, пленившая сердце и разум состоявшегося мужчины, из-за которой у него рухнуло всё, как бы он ни сдерживал. Марина была на пятнадцать лет моложе, но оторванные странички календаря не приклеишь, прожитые годы назад не отмотаешь; и всё, что ему оставалось – это приспособливаться, подстраиваясь под её возраст и ритм. Сергею казалось, что эти несложные ухищрения с гардеробом и моложавый внешний вид приближают его к любовнице. Но то были всего лишь его ощущения, и весьма субъективные. А возраст, увы, понятие объективное, и с ним в бирюльки не поиграешь.

Хотя толково подобранная одежда и правда способна «омолодить» человеку внешность на добрый десяток лет. Чем Дорохов и пользовался с подсказки Марины. В любое время года носил джинсы – самых разных фасонов и изготовителей. К ним подбирал белые рубашки: с коротким рукавом летом, с длинным – зимой. В прохладное время года мог

надеть сверху тонкий пуловер с V-образным вырезом, расправив по нему воротник белоснежной сорочки. Рубашек же у него было просто не сосчитать. Жизнь повернулась так, что теперь ему приходилось сдавать их в химчистку. Накрахмаленные и отглаженные, они возвращались оттуда по команде его секретарши.

Пиджак Сергей надевал только для торжественных случаев. Вот, как для этого интервью. (Только свой костюм он оставил в городской квартире, так что пришлось надевать с чужого плеча). Или для очень важной деловой встречи, когда какая-нибудь птица высокого полёта со свитой в город залетит.

Раньше, на лекции в институте, он надевал пиджак от свадебного костюма – другого просто не было, а перед студентами преподавателю хотелось выглядеть солидно...

Дорохов чувствовал, что погружается в какую-то ненужную область рефлексий, в которой он не силен, откуда не выбраться, где можно погрязнуть, так и не придя к разумному выводу. А такая работа не для него. Бизнес, деньги, партнёры, стройка, яхты – здесь всё ясно и понятно, всё можно обдумать и решить.

Но жизнь оказалась долгим путешествием в будущее без предсказуемого финала. И хотя итог у всех одинаковый, с чем к нему придёшь – вот вопрос.

С чего же это у него началось? Вся эта красивая история для пафосного интервью?

Дорохов отматывал в памяти плёнку документального кино своей жизни, чтобы нащупать точку отсчёта, с которой началось стремительное падение.

Не со школьных лет, это точно. Там были светлые идеалы развитого социализма и наивная вера в светлое будущее.

Так, может, эта история для журнала началась с девяностых годов, когда один из новоявленных бизнесменов по фамилии Труфанов купил себе первую яхту?

Гаража, то есть пирса для неё, не было. И так уж крутанулось колесо судьбы, что, кроме Сергея, в городе не нашлось специалистов, способных построить причальные сооружения на берегу заброшенной бухты. Или они были, но выбор удачливого коммерсанта сознательно пал на Дорохова – неприметного преподавателя узкой специальности «гидротехника» в политехническом институте.

Труфанов подходил под определение «новый русский» – так называли нарождающийся класс бизнесменов. Они предпочитали носить итальянские пиджаки малинового цвета, золотые, в палец толщиной, цепи на шее, и огромные золотые же перстни с гравировкой двуглавого орла. Один из таких ярких персонажей перестроечного времени забрал Сергея Семёновича для разговора прямо из студенческой аудитории. И больше преподаватель вуза туда не вернулся. Можно считать, что первая «деловая встреча» будущего бизнесмена Дорохова тоже проходила в пиджаке. Только в простом, сером, из обычного городского магазина.

Сергей стал вспоминать, а что было перед этим? До эпохи первоначального накопления капитала, в которую он попал не по своей воле. Так ведь выбора для него не было – соглашаться или нет. Как пароход тянут от причала на буксире в открытое море, а затем отпускают тросы, выгребай, мол, дальше сам! Так и Дорохова связали обязательствами, заманили деньгами, а потом бросили на полпути, утопили яхту вместе с хозяином, а ты будь за старшего вместо него. Так судьба решила. А он не стал с ней спорить.

«Не будь этой чертовой горбачёвской перестройки, был бы я директором треста, строил причалы для государства, крепил мощь морской державы. А сейчас что? Пятьсот метров берега, и дальше не прыгнешь. Все остальные причалы давно в других руках, и там мне делать нечего – им и своих специалистов хватает».

Но, с другой стороны, гидротехником-то ведь тоже стал случайно. В дальнюю дорогу позвала совсем другая мечта. Стать моряком, переплыть океан и купить себе джинсы. Детская, простодушная мечта, привела его в этот город с синим морем и белыми пароходами.

Дорохов мысленно поставил себе отметку: вот с этого всё и началось. В семнадцать лет, когда осознал свою потребность выбраться из деревни, когда увидел жизненную перспективу. Так что всему началом, на самом деле, – Вовкины штаны.

Глава 3. Джинсы Вовки-моряка

Шикарными, единственными на весь их городок джинсами обладал только Вовка Кондратьев. Да и сам он, в этих сухопутных краях, был единственный в своём роде. Матрос гражданского флота – или «мариман», как он себя называл.

Райцентр, где родился Серёжа Дорохов, на карте страны отмечался маленькой точкой. Основная деятельность его жителей сводилась к обслуживанию Транссиба, два направления которого (на запад и восток) разветвлялись на станции до десятка запасных путей. Одни убегали в депо для ремонта тепловозов, другие – на склады и нефтебазы. А одна ветка вела на кладбище паровозов. Сергей с друзьями исследовал это хранилище старой техники, законсервированной на случай войны. Ничего интересного! Обычные паровозы, как на картинках в учебниках. Только рельсы под ними заржавели, да трава между стальными колёсами проросла.

«Железка» давала работу многим, в том числе и семейству Дороховых.

Скорый поезд «Москва – Владивосток» притормаживал здесь всего лишь на две минуты, влетая на станцию с протяжным гудком. На перроне его уже ждали бабушки в белых платках – протягивали рискнувшим выскочить из тамбура пассажирам домашние пирожки и варёную кукурузу. Расчёт был таким же быстрым, как и остановка. Сигналом к отхо-

ду шумно ухали тормоза; в этот миг нужно было вскочить на подножку вагона.

Вокруг городка тянулась реденькая лесостепь с узкой, метров пять в ширину, извилистой речкой Завертанкой. Засохнуть совсем ей не давали тающие на отдалённых сопках снега, которые сыпали здесь с сентября по апрель. Весной они превращались в ручьи, сбегали в долину и наполняли речку. Ещё было озеро Большанка. Видимо, название ему дали в сравнении с этой мелководной, по колено, речушкой. Ибо назвать этот зелёный вонючий пруд размером со школьный стадион «большим» можно было только в насмешку. В жаркие дни пастухи водили к нему на водопой стадо коров.

В безводной местности о настоящем море можно было только мечтать, листая картинки в книгах. С таким же успехом можно мечтать о звёздах – их ведь тоже не достать. Где оно, море, за сколько тысяч километров?

И всё-таки Вовка, старший брат одноклассницы Люды Кондратьевой, точно знал, где оно. И более того, в день встречи выпускников пришёл рассказать об этом старшеклассникам. Его на беседу со школьниками пригласила классная руководительница – как своего бывшего ученика.

Фотографии, которые моряк запустил по рядам, произвели на десятиклассников неизгладимое впечатление. Вот Володя верхом на огромном слоне. А вот – раскидистые пальмы с зелёными кокосами. Канал, наполненный водой, с высокими и ровными, будто рублеными, коричневыми берега-

ми. Вот смешные кенгуру в парке на зелёной лужайке и люди вокруг.

Самыми интересными и красивыми Серёже Дорохову показались фотографии с огромным белым пароходом и Вовкой за его штурвалом — в рубашке, расписанной попугаями.

– Вы, наверно, весь мир посмотрели, да? – засыпали его глупыми вопросами восторженные девчонки.

– А как стать моряком? – поинтересовался, уже конкретнее, Сашка Жук.

– Расскажи нам, Володя, всё по порядку. Как ты попал на море? – упорядочила беседу учительница.

– Я проходил срочную службу на боевом корабле Тихоокеанского флота, – начал рассказ о своём жизненном пути выпускник. – А потом нам сказали, что можно остаться во Владивостоке и пойти в мореходку, училище такое для будущих моряков. Нас, отслуживших на флоте, туда брали без конкурса. Но в нашей роте были ребята, которые сразу после школы приходили. Так что, пацаны, если кто надумает, приезжайте поступать. Весь мир посмотрите, как я.

Серёжа Дорохов вопросов не задавал. Ему и так всё сразу стало ясно, как только моряк зашёл в класс и встал у школьной доски. Такие джинсы, как на Вовке, расширившиеся книзу трубой, он увидел вчера на солисте группы АББА. Днём раньше плакат с изображением шведских музыкантов принесли домой после встречи с Вовкой старшие братья,

учившиеся с Кондратьевым в одном классе.

Как и все молодые люди того времени, они преклонялись перед зарубежными исполнителями. Доставали неизвестно какими путями плёнки с записями иностранных певцов, крутили их на портативном катушечном магнитофоне. А ещё покупали в газетном киоске журнал «Кругозор». Меж его бумажных страниц крепились шестью пластиковыми пружинами голубые пластинки – в основном, с записями певцов советской эстрады, но иногда туда включали и зарубежных исполнителей под рубрикой «Эстрада планеты».

Пластинки брата крутили на колченогой радиоле «Ригонда». Тщетно пытались на её волнах поймать «Голос Америки», вертели ручку настройки, стрелка бегала по цифрам радиоволн на стеклянном табло влево и вправо, но их попытки ни к чему не приводили: ящик был глух к их интересам и вражеских секретов не выдавал.

Плакат с группой АББА один из братьев кнопками пришил на переборку, отделявшую комнату пацанов от отцовской спальни. Сергей долго рассматривал фотографию, его внимание привлекли джинсы одного из солистов. Они были голубого цвета, под широкий рыжий кожаный ремень, небрежно подвёрнуты на ботинках и немного вздуты на коленках.

Джинсы для Сергея в тот миг явили смысл куда больший, чем просто одежда. Они представили ему какой-то неведомый мир, где ходят не в чёрных брюках, а в голубых штанах.

Где все улыбаются и приветственно машут рукой в объектив фотоаппарата. Где девушки красивые, в белых нарядах, а не в коричневых школьных платьях с чёрными фартуками, как его одноклассницы. И даже белые воротнички с манжетами, пришиваемые к школьной форме, не спасали эти «инкубаторские», как называли их сами девчонки, одежды.

Две солистки вокально-инструментального ансамбля, белобрысая и чёрненькая, улыбались в объектив и своим нарядным видом говорили совсем другие слова:

– Этот прекрасный мир создан для радости! Он не чёрно-белый, он – цветной!

Красивая жизнь и свобода. Вот что школьник увидел на той фотографии. И джинсы – символ обоих понятий.

Но как добраться до этой красивой жизни? Как получить свободу действий, когда тебе всего семнадцать лет, и ты живёшь в покосившемся доме с облупленными наличниками? Всей свободы здесь – огород да дорога в школу и обратно.

Старый дом «на земле», как любил выражаться его отец, потомственный железнодорожник Семён Елизарьевич, будто придавливал Сергея к этой самой земле. Каждое лето приходилось ей кланяться, выбирая сорняки из рядков моркови, поливая огурцы и окучивая картошку. Жизнь в частном доме предполагала и самообеспечение овощами. Подростку хотелось на простор, на волю, подальше от двух старших братьев-близнецов, которые шпыняли его без меры и за шалости, и просто так.

Защиты не было: мать умерла, когда Сергею был всего год.

«Белокровие у неё, – шептали соседские женщины. – Надорвалась на кирзаводе, болезная, таскала поддоны с мокрыми кирпичами».

Отец сам тянул троих пацанов и не женился больше. Старшие дети, закончив школу, пошли работать на «железку» вслед за отцом, продолжать династию слесарей-ремонтников.

– Сделай себя сам! – сказали бы сегодня психотерапевты. Тогда, сорок с лишним лет назад, таких врачей не было. Но ассоциативную связку «мореходка-джинсы-красивая жизнь» Сергей уловил чётко. И выбрал себе другую дорогу.

Глава 4. На восток

Отец постарался, взял для пацана верхнюю плацкарту. За двое суток в поезде Сергей выпался, прочитал взятую в дорогу книгу «Два капитана». Съел все домашние припасы и с утра в день прибытия пил только чай, который приносила в железном подстаканнике проводница. Сахар к чаю прилагался, у парня ещё оставалась горбушка хлеба, этим он и позавтракал. Но скудный рацион его не беспокоил. Главное – свобода!

Он мысленно послал кукиш своим братьям-обидчикам, которые больше не смогут над ним глумиться. Сергей, вспомнив о самой болезненной их каверзе, посмотрел на свой указательный палец, который братья заставили сунуть в какую-то деталь трактора. На нём приезжал обедать сосед дядя Вася, работавший на машинно-тракторной станции. Сельскохозяйственная машина тарахтела, пацаны вились вокруг неё, разглядывая, что там трещит и крутится. Мотора Василий не глушил, видимо, боясь, что снова тот не заведётся.

– Сунь пальчик, будет зайчик! – уговаривали мальчишки своего младшего брата, за которым некому было присматривать долгими деревенскими буднями.

Доверчивый пацан так и сделал. Палец обожгло посильнее крапивы. Закусив губу, он прыгал на одной ноге и тряс

рукой от боли, а братья хохотали, схватившись за животы, и кричали, показывая на него:

– Обманули дурака на четыре кулака! А ещё один кулак получил Сергей-дурак! На щелбан и на подушку, на зелёную лягушку!

Открыто поколачивать младшего они побаивались: отец при виде такого садизма мог, не говоря ни слова, вклеить за-трещину. Но дома днём глава семьи бывал только по выход-ным, а в будни главными на хозяйстве оставались старшие изверги.

В старших классах Сергей стал проводить послеобеден-ное время в школе, чтобы поменьше сталкиваться с козня-ми ближайших кровных родственников. Записался в секции баскетбола и настольного тенниса. В баскетболе для напада-ющего ему не хватало роста, так что чаще всего он сидел на скамейке запасных и выходил на поле, только если кто-нибудь из основного состава получал много фолов. Зато ко-манду иногда отправляли на соревнования в другие школы их городка и там бесплатно кормили обедом.

С настольным теннисом получалось ещё хуже: роста не хватало даже для того, чтобы достать шарик у сетки, и приходилось обегать полстола по периметру.

Но других секций в школе не было, а домой идти не хо-телось.

Ещё одна затея появлялась зимой – городской каток. Сер-гей каждый год с нетерпением ждал, когда зальют коробку

и можно будет на пару часов сбежать и туда. Прокат коньков стоил десять копеек, и каждую неделю два пирожка в школьном буфете оставались несъеденными из экономии. Коньки доставались всё время разные – хотелось новые, чёрные; иногда счастливый жребий выпадал на них, а иногда – на истёртые льдом коричневые. Паренёк виртуозно катался задним ходом, чем приводил в восторг девчонок в белых коньках-«снегурках». Но дальше невинного столкновения подружек в сугробы по краям поля фантазия пацана о дружбе с прекрасным полом не забегала.

После коньков ноги окунались в чёрные валенки, сушившиеся на батарее в раздевалке-теплушке, с таким блаженством, что от пяток до самых колен пробегали колючие мурашки. Так после катания на тридцатиградусном морозе оттаивали ступни.

Домой нужно было вернуться не позднее шести вечера – к этому времени приходил с работы отец, и в обязанности Сергея входило наколоть дров для растопки печи, занести ведро угля и выгрести золу из поддувала в большой железный таз. Отец был резок на слово, и если к его приходу что-либо не исполнялось, гнев обрушивался на головы всех обитателей дома.

Братья возвращались позже. После восьмого класса оба пошли учиться в «фазанку»¹ – училище для будущих желез-

¹ Фазанка (разг.) – молодёжный сленг, образовано от сокращения ФЗО – фабрично-заводское обучение. – Здесь и далее примечания литературного редакто-

нодорожников. Располагалось оно в том же городке, где жила семья Дороховых. Ночевали братья по-прежнему дома, но времени на глумление над младшим у них стало меньше. Когда Сергей окончил школу, они уже работали в тепловозном депо слесарями. Теперь не обижали, но дружбы между ними так и не сложилось. Подтрунивание над младшим братом вошло у них в привычку.

Уезжая из дома, Сергей жалел только о собаке. Дунай был его единственным другом в семье.

В поезде он немного волновался, глядя с верхней полки через узкую щель приоткрытой оконной рамы на бескрайние дальневосточные просторы: как же найти ту самую мореходку? На чём доехать до неё?

Напутствие перед отъездом дала ему баба Маша, жена тракториста Василия. Она сочувственно смотрела на пацана, готового бежать из родного дома на край земли:

– Не бойся, Серёжа. Люди – не звери в лесу, не съедят. За спрос денег не возьмут и в лоб не ударят. Вот и спрашивай всех встречных-поперечных, как добраться тебе до учёбы. А язык, он и до Киева доведёт, не то, что до моря. Вон, каждый день со станции по матюгальнику кричат: «Поезд Москва – Владивосток отправляется с первого пути». Сядешь и доедешь вместе со всеми пассажирами. А там спрашивай, кто первым на глаза попадётся, куда идти тебе. Мир не без добрых людей, подскажут...

Во Владивосток поезд прибыл рано утром. За сбором постели и укладыванием в чемодан хлопчатобумажного спортивного трико, в котором он провёл двое суток, Сергей не заметил, как состав приблизился к побережью. Успел увидеть лишь какой-то островок на водной глади, но за окнами тут же выросли городские постройки. Поезд втянулся в короткий туннель, а выйдя из него, тихо подбирался к станции.

Школьный костюм на время пути был осмотнительно упрятан под матрас, чтобы не украли случайные попутчики, так и сменявшие друг друга на остановках. Сергей достал его, встряхнул, ещё раз проверил припухший внутренний карман пиджака, застёгнутый для надёжности на булавку. Там, завёрнутые в тряпицу, хранились шестьдесят рублей – половина месячной зарплаты отца. И вызов на учёбу в морское училище. Без него попасть в город на берегу Тихого океана было бы невозможно.

Уже вечером во флотской кочегарке Сергею объяснили, к чему такой строгий порядок. Да к тому, что в самом центре города, к причалам бухты Золотой Рог, швартовались огромные серые военные корабли – с пушками, радарными и здоровенными бортовыми номерами. Враг, проникший в город без пропуска, мог увидеть их, сфотографировать, узнать важные секреты. Что там мог быть за враг, Сергей по молодости не задумывался. В школе учили, что это империалисты всех стран. Хотя он так и не понял, кто это.

Однако закрытость города распространялась и на граждан

родной страны. Заявиться во Владивосток просто так не позволялось «ни вашим, ни нашим». Для въезда требовалось приглашение – от родственников, организации или учебного заведения. Почтальону, принёсшему месяц назад на улицу Лесную, 26 конверт с вызовом на учёбу, Серёжа готов был расцеловать руки. Но, конечно, сдержался.

Сейчас он спокойно ждал полной остановки поезда, потому что на станции Угольной, последней перед Владивостоком, в вагон вошёл пограничник, проверил разрешение на въезд и поставил в паспорт Сергея Дорохова штамп «ЗП». Что означало пропуск в «закрытый порт».

Часть вторая

Глава 1. Город

Спрыгнув с подножки поезда, Сергей зажмурился от непривычно яркого солнца. После сумрачного купе абсолютная синева высокого неба, пронизанная ослепительно-жёлтыми лучами солнца, поднявшегося над сопками, делала мир вокруг ясным и чётким. Сергей вдыхал новый воздух – густой, тягучий, как будто посыпанный солью. Привокзальные кусты подрагивали от слабого ветра, густая зелень на склоне, к удивлению Сергея, была аккуратно подстрижена. На его улице с частными домами траву никто не стриг. Газон, догадался он.

Вокруг суетились встречающие с цветами, люди обнимались, хлопали друг друга по плечам. Но Сергея, конечно же, на перроне никто не ждал.

Поднявшись по лестнице с платформы на привокзальную площадь, он застыл в нерешительности. В его городке самым высоким зданием была водонапорная башня, по-простому именуемая водокачкой. Рядом с ней стояла школа в два этажа. С кочегаркой в подвале и туалетом на улице. Даже зимой приходилось бегать в белёное известью деревянное строение, отстоящее от школы на добрые тридцать метров.

А здесь вокруг – высотные дома. Куда идти, если всё заставлено коробками зданий, и прохода не видно?

Нагромождение высоток и грохот какого-то железа, перемещавшегося слева направо, в первые минуты ошеломили паренька. Он увидел, как невдалеке проехал рыжий вагон.

«Трамвай, наверное, – подумал Сергей. – Смотри-ка, прям как на картинках в школьных учебниках. Ну, точно, трамвай. У троллейбуса наверху рога должны быть».

Когда грохот утих, Серёжа вспомнил о наставлении бабы Маши – и обратился к мужчине, подпиравшему бок машины с надписью «Такси»:

– Здравствуйте! Скажите, где здесь у вас на моряков учат?

– Ух ты ж. Новоприбывший. Тебе на какого – военного аль гражданского? – уточнил, хитро щурясь, таксист в белой кепке с якорем на кокарде. Как пить дать, приценивался, сколько содрать с приезжего.

Прикинув, что люди в цветных рубашках, как на фото у Вовки, воинской службы, скорей всего, не несут, Сергей ответил уверенно:

– На гражданского!

О наличии в городе ещё и военного училища он даже не подозревал.

– Ну, тогда такси тебе не понадобится. Это же совсем рядом. Поднимайся к памятнику Ленина, видишь его? – таксист махнул рукой туда, где только что проехал трамвай. – А там поворачивай со своим чемоданом налево и топай

по улице вверх. Увидишь справа большое жёлтое здание – то и будет училище моряков.

Сергей поблагодарил таксиста и, оглядываясь по сторонам, двинул куда указано.

От памятника вождю пролетариата дорога шла с небольшим подъёмом, чемодан руки не тянул, передышки не требовалось, и уже через полчаса вчерашний школьник стоял перед входом в здание с величественными белыми колоннами. «Инженерное морское училище» – прочитал он слова на вывеске.

«Надо же, я на моряка собрался, а тут инженеров готовят! – Сергей помялся у входа, но затем решительно распахнул дверь. – Надо только обязательно уточнить, на какой факультет идти, чтобы ошибки не вышло. Я же в море хочу, на белый пароход, а не каким-то там инженером вкалывать!»

В просторном вестибюле Дорохов отметил себя как абитуриент – и отправился на медкомиссию. Но там его ждало первое серьёзное разочарование.

– В море тебе делать нечего! – объявила врач после осмотра. – С такими неполадками в сердце ищи себе работу на берегу. Неритмично оно у тебя работает. Будет время – сходи на обследование в поликлинику. Да и в армию, тебя, кстати, тоже не возьмут.

– Что же мне делать? – растерялся Сергей. К такому повороту он был совсем не готов. Об экзаменах, да, слегка беспокоился: хватит ли баллов для поступления? А тут даже

не об экзаменах речь – вообще непонятно, что дальше. – Я же учиться приехал! У меня, вот, и вызов есть...

– Ну, не знаю. – Врач уже дописывала свою резолюцию – «В плавсостав не годен», – а Сергей всё ещё не понимал. Какие такие шумы с перебоями в сердце могут перекрыть ему путь к лучшей жизни?

– Попробуй поступить в политехнический. У меня там сын отучился, теперь инженер на заводе, зарабатывает нормально.

– Тётяшка! Я приехал издалека. Мне же здесь общежитие обещали... А там я где буду жить?

– У них тоже общежитие есть. Мой-то все четыре года дома жил, на родительской шее сидючи. Зато сейчас всю зарплату мне приносит. Только там тебя кормить и одевать бесплатно, как здесь, не будут.

Глава 2. Выбор

Обратный путь, под горку, показался короче. Шаги ускорялись сами собой, а мысли, напротив, толпились и путались в голове, толкаясь друг с дружкой, возвращаясь к случившемуся, не давая сосредоточиться и решить, что же делать дальше.

Вот и снова вокзал. Десятки суетливых людей перетаскивают свои баулы с места на место. Кто-то ест, разложив прямо на коленях туески с картошкой и домашней кровяной колбасой. Кто-то спит, запрокинув голову назад. Нескончаемый гвалт поднимается надо всем этим и уносится к высокому потолку с огромными белыми плафонами и вычурной росписью вокруг них.

Сергей нашёл расписание поездов и долго смотрел на него, соображая, на каком поезде лучше уехать. Ближайший отправлялся сегодня же, в двадцать три пятьдесят пять. То есть за пять минут до полуночи. Он взглянул на старинные вокзальные часы. До отхода – целых восемь часов. Остаётся лишь переждать это время. Оглянулся вокруг себя. Жёлтые деревянные кресла с железными подлокотниками, сцепленные по четыре штуки в ряд, все до последнего заняты пассажирами.

Сергей подошёл к окну, поставил у ног чемодан. Рельсы за узким оконным стеклом убежали туда, откуда он утром

приехал. Блики солнца на холодном металле высвечивали направление к его дальнейшей жизни.

И что же? Придётся вернуться к братьям? И вслед за ними идти вкалывать «на железку», со вьедливым запахом креозота? – Невесёлые мысли вертелись в голове у Сергея.

Объявление о прибытии пригородной электрички напомнило несостоявшемуся курсанту голос, который позвал его в путь:

– Граждане встречающие, будьте осторожны! На первый путь прибывает поезд...

Каждый день он слышал эти слова во дворе своего старого дома неподалёку от станции. Владивосток казался ему таким же огромным, как и Москва. Не случайно же рельсы соединяли именно эти два города. Но Москвы Серёжа Дорохов ещё не видал, а Владивосток – вот он, за дверями вокзала. Стоит только снова выйти на улицу.

Стоя у окна в зале ожидания, он не мог понять, что же делать дальше. Возвращаться назад по тому пути, который жизнерадостно высвечивало солнце, ему не хотелось, хоть убей. Вернуться к отцу и братьям, чтобы в депо паровозы ветошью натирать? Или, может, провести ночь на вокзале, а завтра найти этот технический институт? Но на что жить, даже если вдруг его примут там? В морском-то училище обещали казённый пансион!

Здесь, на вокзале, вершится его первый жизненный выбор. Без каких бы то ни было подсказок или советов. Никто

не скажет, как надо. Просто не у кого спросить. Вокруг никого своего. Люди-то есть, вон сколько. Целый зал ожидания, набитый битком. Но они все – чужие. Какое им дело до одинокого семнадцатилетнего парня, чьи мечты о море в большом городе оказались разбиты врачом?

О джинсах того же цвета... О красивой, свободной жизни...

Так и не решившись купить обратный билет, Сергей нашёл камеру хранения, пристроил туда чемодан. Осматривая причудливые барельефы на потолке и стенах старинного здания, дошёл до вокзального буфета, перекусил там двумя пирожками с капустой, запил чаем и решил прогуляться. До вечера время есть, а там посмотрим.

С обратной стороны вокзала перед ним распахнулось море. Заворожённый, он долго не мог пошевелиться. Корабли и суда разных видов и габаритов облепили оба берега бухты – узкой полоски воды, чья синяя гладь упиралась в вереницу высотных домов вдалеке.

«Какое интересное море, – подумал Сергей. – Раз – и кончилось. А я-то думал, оно бесконечное, до горизонта. Да теперь уже всё равно. Не видать мне безбрежных просторов...»

Хмуро поникнув, Сергей шагал вдоль причалов. Читал названия, разглядывал борта и надстройки. С каждого судна к причалу спускалась лестница, одним концом упираясь в бетонный пирс, а другим цепляясь за палубу. «Ольга Са-

довская», «Обь», «Пегас», «Маршал Ворошилов».

Кто такая Ольга Садовская – он не знал. И что за Пегас? Вот Обь – понятно: сибирская река, сколько раз её в контурных картах на уроках географии отмечал. И Ворошилов – знакомая фамилия, конечно. Дома, в старом, с облупившимся древесным лаком трюмо хранился набор открыток «Советские военачальники – Герои Гражданской войны». Два ордена на тужурке, красные петлицы, портупея через правое плечо, яркая звезда на фуражке. И очень строгий командирский взгляд из-под сдвинутых бровей. Климент Ефремович – Сергей запомнил его имя, как, впрочем, и других из той же пачки открыток: Щорса, Будённого, Фабрициуса, Блюхера.

Разглядывать бравых командиров мальчишке нравилось. Он представлял себя на их месте – сильным, ловким, смелым, дающим отпор ненавистным братьям.

Неожиданно море скрылось за высоким кирпичным забором, а перед глазами замаячило объявление, прищипленное к деревянной калитке: «Требуется кочегар. Стучите!»

В их школе истопник дядя Лёня выдавал дежурным для уборки класса горячую воду из кочегарки. Чтобы набрать её, требовалось спуститься по узкой лесенке в подвал. Главный по теплу был строгим мужчиной – к пылающей топке никого и близко не подпускал. В ней всегда горело яркое пламя, и огромная чёрная печь, будто огнедышащий кит с развернутой пастью, занимала всю стену от пола до потолка.

Подходить к раскалённой печи не разрешалось даже на расстояние метра. А вот налить из крана в ведро воду, нагретую паром, вполне дозволялось. Как и погреться недолго на тёплой скамейке у двери. В углу кочегарки громоздилась огромная куча угля, которую дядя Лёня периодически сбрызгивал водой, прибивая чёрную пыль перед подачей в топку.

«За спрос не убьют», – вспомнил Сергей наставление соседки, постучал со всей силы кулаком в деревянную дверь.

Залаяла собака, но чей-то голос осадил её:

– Да будет тебе, пустобрёх! Молчи уже, слышу!

Дверь отворилась. Бородатый мужчина, выйдя на лай, с удивлением уставился на Сергея:

– Тебе чего?

– Здравсьте! Я могу кочегаром работать. Я в школе уголь подавал дяде Лёне...

И это была правда. Когда привозили трёхтонную машину угля, старшеклассников бросали на подмогу кочегару, и два-три урока можно было прогулять законным способом.

Бородач критическим взглядом окинул его фигуру.

– Ну, что ж... Руки у тебя крепкие. Рост невысокий, и это хорошо, меньше спина болеть будет при наклонах к топке. Заходи, поговорим.

Знакомый запах мокрого угля в жаркой комнате придал Сергею уверенности, и он начал беседу первым:

– А почему ваша кочегарка летом работает? У нас только

зимой.

– Всё-то ты знаешь о нашем деле! – хохотнул бородач и представился Николаем. – Мы воду греем для паровозов на стоянке, подаём её по трубам. Горячая вода экипажам нужна и летом: помыться-побриться, постирать. Сегодня можешь начать? А то у меня напарник запил, неделю уже не выходит. Хорошо будешь уголь кидать – оставлю тебя в помощниках, а его выгоню к лешему.

– С углём-то я справлюсь, только мне ночевать негде.

– Так ты из дома сбежал, что ли? Мне беглецы не нужны... – Бородач указал на дверь. – Ступай! Собака не тронет.

– Да нет же! – Сергей вскочил из-за стола, но не затем, чтобы уйти. – Я студент. Только ещё зачисления не было. Нужно экзамены сдать, но я сдам! У меня по математике пятёрка. Мне бы хоть ночь перекантоваться... Но я и на вокзале могу. Завтра пойду в институт, там должны общежитие дать. А у вас буду зарабатывать на еду!

Выпалив всё это, он снова сел – и стал ждать вердикта главного кочегара.

– Студент, говоришь?.. Понятно теперь. Я и сам курсантом в мореходке был, кумекаю, что к чему, – оценил бородачий смелость приезжего. – Ладно тогда, ночуй пока на топчане. Где пожитки твои?

Сергей тут же смотался на вокзал, и уже через пятнадцать минут чемодан из камеры хранения перекачовал в каморку при кочегарке – жилую клетушку с самодельным диваном

и некрашеным столом. На столе царил беспорядок – железные кружки грязные, с недопитым чаем, годами не мытый заварник пуст. Но в круглой железной банке Сергей увидел печенье, на тарелке – сахар кубиками, а чайник со свистком выпускал тонкую струйку пара. О завтраке можно не беспокоиться.

Первая ночь в новом городе подарила ему надежду: раз не пришлось покупать обратный билет – значит, всё как-нибудь сложится само.

Наутро Дорохов появился в приёмной комиссии политехнического института. Решил выбрать факультет, хоть какой-то связанный с морем. Ему посоветовали, как вариант, строительство причалов на инженерно-строительном. Конкурс небольшой, обнадёжили парня, – с его оценками в аттестате (со средним баллом 4,5) шансы поступить неплохие.

Подав документы, Сергей начал готовиться к экзаменам и работать в кочегарке. Да там же и жил целый месяц, пока не вышел приказ о зачислении. Ему дали место в студенческом общежитии – железную койку в комнате на четверых.

Общежитие располагалось на самой высокой сопке в городе. Название «Орлиная» ясно говорило о её небесном предназначении. И хотя самих орлов там давно никто не видел, панорама оттуда открывалась, как с высоты птичьего полёта, а на вершине всегда свистел ветер, подражая выкрикам пернатых.

Узкая полоска моря, что открылась Сергеем за железнодо-

рожным вокзалом в день приезда, оказалась бухтой, разделявшей город на три составные части: Центр, Чуркин, Эгершельд. Сама бухта называлась «Золотой Рог». Все эти интересные факты о городе поведал студенту новый наставник, отставной моряк Николай Степанович, во время совместных дежурств.

Когда начались занятия, совмещать учёбу с работой оказалось невозможно. Суточное дежурство накладывалось на лекции, а пропускать их Дорохов не хотел. Поблагодарив Николая за всё добро, оказанное в трудную минуту, Сергей ушёл из кочегарки и переселился в общагу.

Чтобы не бедствовать, он нашёл себе работу в музее, на центральной улице за две остановки от института. Рано утром, до занятий, успевал подмести вокруг здания и вытряхнуть мусор из урн в контейнеры на заднем дворе краеведческого музея.

Покончив с этим, студент первого курса инженерно-строительного факультета Серёжа Дорохов отправлялся на лекции.

В том же направлении шла и его однокурсница, Самсонова Ира.

Глава 3. Ирина

– Мама, ну сколько можно? Замуж, замуж, надо замуж...

Да смотрю я по сторонам, смотрю, но они какие-то замороженные все, ни виду, ни пейзажу! Ни обнять, ни плакать!

– А ты не по фасаду смотри, а по уму. Кто из мальчиков лучше всех учится на вашем курсе?

– Мама! Они скучные! Мне с ними не о чем говорить.

– Засидишься в девках – потом никто не возьмёт. Я рано вышла замуж, и тебе девятнадцать скоро, надо рожать, пока молодая. У меня ещё силы есть, помогу ребёнку на ноги поставить. Мы для чего тебя в мужской вуз определили? Чтобы нашла себе нормального парня из института, образованного. Нечего долго рассуждать, посмотри на ребят из группы и выбери кого-нибудь. Сходишь замуж, не понравится – разведёшься, зато будет опыт семейной жизни, и ребёнок. А на красивых пусть другие заглядываются. В хозяйстве мужик нужен, добытчик, а не Ален Делон. Пусть и не местный мальчик, это даже лучший вариант, у нас квартира большая, приютим. Зато благодарным будет за кров и стол. Присмотришь к общежитским – может, и выберешь кого.

Мамина промывка мозгов закончилась. Ира хотела идти на танцы в матросский клуб, к тельняшкам и бескозыркам, но родители её туда не пускали.

– Это не семья! – отрезал отец, когда мать решила обсу-

дить с ним будущее дочери. – Он полгода будет там, в морях и океанах, а она здесь, на нашей шее, с ребёнком. Профессия у мужика должна быть земная, как у меня. Пусть за инженера выходит.

На занятиях в институте Ира смотрела в окно аудитории – разглядывать сокурсников ей не хотелось. Каждый день одни и те же лица, не на ком глаз остановить. Из этих кандидатов не нравился никто.

«Долгов – худой и длинный, как собачья песня, под стать фамилии. Коваленко – нищий, с однокурсниками даже в кафе не ходит. Синёв симпатичный, глаза вон какие голубые, но сразу сказал, что живёт с женщиной старше себя, к нему не подберёшься... – Ира подпёрла лицо кулаком и стала разглядывать однокурсниц. Куда интересней было смотреть на них, да ещё и размышлять при этом.

«Всего-то пять девчонок на курсе, из них две уже замужем. Светка беременная к тому же, в академический отпуск собирается. А Ленке муж привёз из рейса таблетки заморские, чтобы не залететь. Жить им негде – она пока в общежитии, а когда он в отпуске, снимают квартиру.

Дорохов, вон, за первой партой сидит. Да ростом не удался. Подойти, что ли, на перемене, померяться шутки ради? В двадцать, говорят, последняя надежда выйти замуж. И то правда: к диплому всех женихов разберут, а я что, на работу незамужняя выйду? Где я там себе холостого найду? Всех расхватают ещё во время учёбы – щенками, как мама гово-

рит.

Дорохов вообще-то ничего, симпатичный. Рост подкачал немного, да. Но умный, как раз под мамин запрос...

Родительские слова достигли цели. Кандидат подобран, осталось придумать, как его заарканить.

На девчонок Дорохов не засматривался, исправно писал конспекты, «автоматом» сдал зачёты перед сессией, у преподавателей был на хорошем счету. Не прояви Ирина сама инициативу – глядишь, и судьба распорядилась бы по-иному. Но всё вышло так, как вышло.

Случился праздник, Новый год.

Общежитие института засверкало мишурой, двери комнат девчонок запестрели снежинками, вырезанными из салфеток, а в актовом зале на первом этаже поставили настоящую ёлку.

Ирочка Самсонова, хоть и жила в городской квартире с родителями, в общежитие заглядывала часто. Ей нравилось смотреть, как самостоятельно живут её однокурсницы, сами готовят в бытовках еду, сами бегают по магазинам, а иногда по выходным даже посиживают в ресторане «Океан» или в баре «Волна» – первый в центре города, второй на Морском вокзале. Жаловались как-то – мол, что «третья смена» им проходу не даёт. Интересно, думала Ира, что это за парни такие, то ли бандиты, то ли спортсмены? Но девчонки и сами не знали, только шептались об этом. А Ирине родители по барам шататься не разрешали. Видно, догадывались, что

за контингент там отдыхает-выпивает. А заодно и «решает вопросы» криминального порядка.

Без особой надежды Ира спросила у матери, можно ли ей встретить Новый год в общежитии с однокурсниками.

– Да, вот и хорошо! – неожиданно согласилась Нинель Фёдоровна. – Иди, конечно, а мы тогда к Соловьёвым на Седанку уедем, давно зовут к себе в гости. Они баню построили, дом у них большой, там и заночуем. Только водку не пейте! Лучше вино. Молодёжи, чтобы захмелеть, много не надо. А вам через два дня на занятия!

В советское время даже 31-е декабря было рабочим днём. Потом два выходных – и опять на работу или за парты. Никаких новогодних каникул страна себе позволить не могла.

В канун Нового года девчонки в бытовке общежития варили овощи в большой алюминиевой кастрюле, а потом крошили из них винегрет. На закуску были ещё консервы из чистиковых рыб в томатном соусе, варёная картошка, хлеб, мандарины. Ира Самсонова принесла из дома тонко нарезанную буженину и испечённый мамой торт «Наполеон».

Недалеко от общежития находился продовольственный магазин «Красные двери», названный так за деревянную входную дверь, окрашенную самым дешёвым суриком, зато в несколько слоёв. Парни с курса заранее запасались там для себя портвейном «Агдам», а для девушек – сухим вином «Мурфатлар».

В дополнение к вину Дорохов принёс конфеты «Пти-

чьё молоко». Через дорогу от краеведческого музея, где он по утрам махал по асфальту метлой, работал кондитерский магазин «Алёнушка». У входа в него с рассветом выстраивалась вереница людей за дефицитными конфетами. Сергей занял очередь затемно и добыл целых две заветных коробки, а больше двух в одни руки и не давали.

На вечеринке, затеянной в одной из комнат четвёртого этажа, студенты весело галдели, обсыпали друг друга самодельным конфетти из цветной бумаги и фольги от шоколада. Телевизор в жилые комнаты не полагался, на всё общежитие он был вообще один – в Красном уголке, но посягнуть на святое (перетащить его на 4-й этаж) никто не решился. За неуважение к партийно-комсомольским ритуалам можно было запросто вылететь из института. Поэтому чокались кружками и стаканами, сверяя стрелки наручных часов по принципу «среднего арифметического».

Нехитрую закуску смели со стола очень быстро, лёгкий алкоголь звал куражиться, танцевать, флиртовать. Дело молодое! Кто-то ещё допивал вино, но постепенно комната пустела: все уходили в актовый зал, где комендант разрешила потанцевать.

Дорохов доедал из общей тарелки картошку, когда за стол к нему под села Ира Самсонова:

– А ты пойдёшь на танцы?

Сергей уставился на неё так удивлённо, словно увидел впервые.

«А ей-то зачем это знать?» – подумал он про себя, а вслух сказал:

– Нет, я не умею танцевать.

– Ну, хочешь, научу?

– Не люблю танцы.

– Тогда и я не пойду. Из солидарности!

– Как знаешь... Ладно, я к себе, спать.

– А ты из какой комнаты? Можно посмотреть? Я только у девчонок была, интересно, как парни живут. Говорят, у вас там двухъярусные кровати проволокой прикручены друг к другу, это правда?

– Ну да, прикручены, что тут такого? Мы так сделали с пацанами, чтобы в комнате просторней было. На место одной из кроватей стол для занятий поставили. Тесно же вчетвером, а заниматься всем нужно.

– Как интересно! Ни разу не видела двухэтажных кроватей. Покажи, а?

Дорохов пожал плечами:

– Ну, пойдём, покажу. Все на танцах, не помешаем никому. Да только ничего интересного там нет.

В комнате и вправду никого не было.

Впустив девушку внутрь, Сергей потянулся к выключателю, чтобы зажечь свет. Но Ира сказала:

– Не надо! В темноте романтичнее. Дай мне ключ.

Сергей не успел ничего ответить, как Ирина сама взяла из рук парня ключ, вставила в замок и повернула на два обо-

рота.

Дорохов не понимал, что происходит. Но Самсонова была решительна.

Развернувшись к нему, она сказала:

– Не бойся, я не пьяная и при памяти. Когда-то же это должно со мной произойти. Почему бы не сейчас? Будет что вспомнить про этот Новый год...

Сергей и опомниться не успел, как Ира одной рукой обняла его, прижалась к плечу. Второй рукой проследовала вниз по пуговицам рубашки, не без труда расстёгивая одну за другой. Запах духов «Быть может» (название потом узнал от тётки) заморозил его. Никогда раньше он не слышал дамских ароматов. На третьей пуговице Сергей уже сам помогал ей справиться со всеми трудностями — стакан «Агдама» придавал уверенности. Всё правильно, всё так и должно быть.

Из-под двери пробивалась тонкая полоска света от коридорных ламп. Больше их не беспокоил никто. Новогодний праздник, танцы до утра. Всем было весело, шумно и радостно.

Часть третья

Глава 1. Бухта

Сергей Семёнович встал из-за стола, надел куртку и вышел в приёмную:

– Лена, я пойду прогуляюсь.

Привычно кивнув, секретарша закрыла за шефом дверь. Каждое утро, независимо от погоды, он обходит свои владения. Моцион!

Весна неспешно заходила на побережье. Её приметы из года в год были одни и те же. Лёд в бухте потемнел. Лужицы, кое-где растопленные солнцем во льду, блестели серебряными блюдцами посреди взъерошенной белой крошки.

На прибрежной полосе понемногу открывались проталины – галька вперемешку с ракушками. Чайки, словно чуя скорый разлом льда и доступную рыбалку, носились очумело и беспорядочно от моря к берегу и наоборот. Цель их перемещений в воздухе никакой логике не поддавалась.

«На всю округу такой ор подняли, будто делят сферы влияния. Ещё и рыбы для кормёжки не появилось, лёд стоит, а у них уже разборки, – подумал Сергей. – Всё, как у людей...»

Окраинную бухту, каких на городском побережье предо-

статочно, когда-то занимали военные, и добраться сюда в прежние времена было почти невозможно.

Нет, дорога была, и отличная. Путь среди сопок к режимному объекту устилал даже не асфальт, а огромные квадраты бетонных плит. Оно и понятно – подвоз снарядов по кочкам и бездорожью мог стоить жизни. Поэтому стратегические дороги делались всерьёз и надолго. «Бетонка», построенная ещё во времена Советского Союза, исправно служит и по сей день. Но Дорохов провёл к яхт-клубу нормальную асфальтированную дорогу, чтобы клиенты не страдали от дискомфорта, проезжая по жёсткому покрытию.

А на той, параллельной, дороге специально оставили, как раритет, надпись перед шлагбаумом: «Стой! Стрелять буду!» В середине девяностых случайно завернувшему сюда путнику других вариантов не предлагалось. Или стой – или прощайся с жизнью. Одной такой вывески хватило бы, и без шлагбаума. Желающих добровольно соваться под пули всё равно б не нашлось. И так после развала Союза куча людей полегла и за бизнес, и вообще ни за что в тупых бандитских разборках.

Сколько уж лет прошло?

Сергей Семёнович вспомнил, как четверть века назад (господи, времени-то сколько уже пролетело!) – не год, не десять, а двадцать пять лет назад привезли его сюда, молодого инженера-гидротехника, лихие парни на джипе и приказали: – Вот тебе море, сделай тут пирс для наших яхт. И давай,

твори с размахом, бабла не жалко. Ввалим, сколько надо.

Так же, как эти птицы, ребятки урвали себе в смутное время кусок берега для пропитания.

Тогда Сергей и не представлял, как из жалких остатков причала можно сделать гавань для яхт. Судя по ржавым сваям, торчавшим из воды, как гнилые зубы у бомжа, хозяина здесь давно не было. Перестройка, затеянная новым руководством страны, прошумела где-то политической трескотнёй, а до окраин докатилась вот таким катком, превратившим бывшее военное могущество державы на дальних берегах в разрушенные пирсы и полузатопленные корабли.

В моду вошло новое слово – «конверсия». Применительно к военно-морскому городу это означало сокращение рабочих мест на оборонных заводах, а то и полное этих заводов закрытие. Кто из начальников смог, тот и отвоевал для себя хотя бы несколько помещений. В ночные смены станки и оборудование демонтировали и перемещали из нескольких цехов в один, чтобы сэкономить на платежах за электричество и коммунальное обслуживание. И поутру операторы этих станков выходили уже на новое место работы.

Вместо деталей к подлодкам и кораблям, что базировались до «мутных» девяностых по многочисленным бухтам в окрестностях города, на заводах стали изготавливать чайники да сковородки. Конечно, уличные урны и бельевые прищепки там выпускались и раньше. Но тогда соотношение заказов было такое: девяносто процентов на оборонку, де-

сять – на товары народного потребления. А потом пирамида перевернулась вверх тормашками. Основной номенклатурой стали хозяйственные товары, помогавшие заводчанам хоть как-то держаться на плаву.

Затем рухнула финансовая система страны, и зарплату на предприятиях стали выдавать выпускаемой продукцией. Получил в конце месяца чайник – можешь выменять его на батон «Докторской» у того, кому выдают её вместо зарплаты в колбасном цехе.

Новое слово, вошедшее в обиход в начале девяностых годов, стало для Сергея спасением при строительстве яхтенных причалов. Магический «бартер» обеспечивал ему стройматериалы в обмен на продукты. Их целыми пароходами завозил в город Труфанов, бывший хозяин этого берега.

Дорохов ступал по влажному песку, ёжась от пронизывающего ветра, не сильного, но пробиравшего до самых рёбер. Он вспоминал события тех гремучих лет и антураж, который увидел здесь в девяносто первом.

«Перекуем мечи на орала, и копыя свои – на серпы». Высоким, библейским стилем это означало прекратить всякие войны и идти защищать землю-кормилицу. А в быту, в обычном приморском городе, это привело к тому, что военные корабли легли на бок, и постепенно с них растащили все мало-мальски ценные детали. А позже, когда охранять стратегические объекты стало некому, предприимчивые ребята просто-напросто распиливали некогда грозные суда на куски

и за гроши сдавали в металлолом.

Вот и здесь, в бухте «Неприметная», то, что раньше считалось пирсом, было основательно подъедено морской волной, искорёжено ледяным напором и раскрошено временем. Цементная стяжка рассыпалась и обнажила поперечные балки.

Такую картину Сергей скорее готов был увидеть где-нибудь в Кампучии (которую теперь называют Камбоджей)² – в порту Кампонгсаом, куда его неожиданно командировали в конце семидесятых. Советский Союз активно заботился о своей обороноспособности и не скупился на помощь странам, которые могли бы стать военной базой на дальних рубежах. Но кампучийский причал оказался в полной сохранности, несмотря на активные военные действия. А здесь всё разрушилось до основания даже в мирное время.

Вспоминая тот старый причал, Дорохов с гордостью смотрел на свой нынешний яхт-клуб. Всё, что здесь есть, он построил сам. Заграничный опыт в строительстве ему пригодился мало. А вот жизненный – ещё как.

Та неожиданная поездка в тропики была короткая, всего на три месяца. Но она оставила крупную зарубку на линии жизни, бежавшей по его ладони. На левой руке был настоящий шрам: две белые кривые полосы от давно затянувшихся ран, полученных в жаркой стране. А ещё одна отметина

² Кампучия функционировала под управлением т.н. «Красных кхмеров» и их диктатора Пол Пота. В настоящее время страна носит название Королевство Камбоджа.

осталась на долгие годы в душе – волнующий след от короткой, запретной, и оттого ещё более желанной связи с той, кого звали Нина. С женщиной, которая легко вошла в его жизнь, согласившись на временный статус, да так же легко и вышла, не махнув на прощанье платком.

Глава 2. Кампучия

После той новогодней ночи жизнь Дорохова преобразилась. Своё прощание с холостяцким статусом на втором курсе назвал «скоропостижной женитьбой по случаю нашей беременности». Инициатором всех отношений была Ирина, а сам он не сильно-то и сопротивлялся. В доме Самсоновых его принимали как будущего зятя – вопрос об отношениях, скреплённых печатью ЗАГСа, считался решённым. Молодые допоздна засиживались в комнате Ирины якобы для совместного изучения конспектов и подготовки к семинарам. Родители из деликатности в дверь не стучали. Под утро Сергей уходил из тёплой, гостеприимной квартиры, на цыпочках пробираясь к выходу. Дверь с английской защёлкой старался притянуть плавно, избегая шума в прихожей. И отправлялся на работу в музей, а оттуда уже на занятия.

Ирина сосредоточилась на своей главной задаче – «уж-замуж-невтерпёж» – и, как могла, воплощала в жизнь заветные белую фату и свадебный стол.

Дорохов, не ведавший в жизни материнской ласки, не знавший женщин ни в теории, ни на практике, таял от пышных форм однокурсницы.

Блины, испечённые тёщей Нинелью Фёдоровной, прикладывал цельным кругом к лицу и вдыхал их масляный аромат. И лишь затем, свернув блин треугольником, макал его

в тарелку сметаны с сахаром. Раньше о такой сладкой жизни он мог только мечтать. А теперь – сказка: на ужин, а там и на завтрак.

Михаил Афанасьевич, отец Ирины, пытался делать строгое лицо. Но за одним из ужинов подвёл черту под вопросом о частых визитах студента:

– У нас декан говорил так: «Жениться разрешаю только после сдачи сопромата!» Так и быть, ты уже годишься. Разрешаю! – дал отцовское добро Михаил Самсонов.

Впрочем, обозначившийся и без его разрешения ребёнок в животе Ирины всё настойчивей требовал законности в своём рождении. Имя ему придумали заранее – Илья Сергеевич.

– Жить будете у нас. Нечего тратиться на съём жилья! – сразу после свадьбы объявил отец, до тех пор не одобрявший ночёвки студента в его квартире.

Но теперь уже что поделаешь? Официальный спутник дочери со статусом «зять».

Тесть работал в порту – управленцем среднего звена. Положение нового обитателя в своём доме он обозначил так:

– А на содержание жены зарабатывай сам. Переводись на заочное – устрою тебя в наш порт, в бригаду докеров. Увидишь настоящие морские причалы не на картинках учебников, а в реальности. Вот и соединишь теорию с практикой.

То было мудрое решение. Через три года после свадьбы в порту начались работы по реконструкции причалов. Сер-

гей спросил о вакансиях у подрядной организации, занимавшейся ремонтом пирса, и ему предложили место инженера-гидротехника. Так недавний выпускник института устроился по специальности в тресте «МехГидроСтрой». А когда понадобились специалисты для помощи братскому народу Кампучии, пострадавшему от военного конфликта и режима «красных кхмеров», Сергей Дорохов попал в «элитную сборную» – команду из самых надёжных, сильных и ответственных работников – сразу по двум позициям: дипломированный гидротехник в настоящем – и опытный докер в прошлом.

И как новоиспечённый кандидат в члены партии.

Попасть в ряды Коммунистической партии Советского Союза было непросто. Красные корочки со страницами, разлинованными под будущую уплату членских взносов и надписью по верхнему краю «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» выдавали автоматически только рабочему классу. А для прослойки «интеллигенция» формировалась негласная очередь. Набирали из комсомольских активистов, непьющих, семейных – в общем, из благонадёжного списка. Сергей активистом не был, но по другим параметрам подходил вполне.

На комиссии в райкоме КПСС заседали члены бюро – уважаемые люди, увешанные наградами партийные ветераны. Вопросы задавались суровым тоном – мышь не проскочит, враг не пройдёт.

– Разделяешь ли ты генеральную линию Коммунистической Партии Советского Союза?

Молодой инженер, с усердием изучавший на лекциях математику и черчение, не мог себе представить, как можно разделить линию. Она же тонкая, на бумаге! Если только на отрезки? Но всем инженерам, независимо от факультета, в вузах того времени преподавали курс истории КПСС, и линия партии была уже вполне осязаемым понятием. Держаться за неё следует крепко – и колебаться лишь с нею вместе, если хочешь чего-либо достичь в жизни. На экзамен по истории Компартии Советского Союза он пришёл с учебником, засунув его под ремень брюк. Понятливый преподаватель сделал вид, что не слышит, как студент шелестит страницами под партой. И поставил Дорохову «хорошо», дабы не портить зачётку, усеянную пятёрками по техническим дисциплинам.

Поэтому Дорохов счёл, что его «хорошо» вполне разделяет ту самую линию, которой так интересуются партийные ветераны, и уверенно ответил:

– Да.

Следующий вопрос был о международном влиянии идей коммунизма.

– Кто сейчас руководит марксистско-ленинской партией в Германской Демократической Республике?

Здесь у Сергея был чёткий ответ. Кто же не знает Долорес Ибаррури, Луиса Корвалана, Густава Гусака, Фиделя Кастро и других руководителей компартий? Советская пропаган-

да убеждала свой народ, что идеи коммунизма охватывают огромные территории во всём мире.

Не знать ответ на такой вопрос было бы совсем странно. Ведь совсем недавно по телевизору показывали горячую встречу Генерального секретаря Брежнева и лидера немецких коммунистов Хонеккера на праздновании 30-летия ГДР. «Тройной Брежнев» – так назывался поцелуй, которым руководитель страны Советов удостоивал своих зарубежных коллег. По одному поцелую в каждую щёку, и ещё один, с искренним проявлением чувств международной дружбы – в губы. Достался он и руководителю Восточной Германии.

– Эрих Хонеккер! – без запинки ответил соискатель звания «кандидат в члены КПСС».

– Молодец, знаешь. Теперь перечисли нам пункты Морального кодекса строителя коммунизма.

Сергей понимал, что от верных ответов зависит его дальнейшая карьера – не только по линии партии, но и на производстве, – и к испытанию на бюро райкома подготовился на совесть. Пункт седьмой Кодекса – о «честности и правдивости, простоте и скромности в общественной и личной жизни» – он выучил наизусть. Впрочем, как и все остальные пункты. И на тот момент не только верил в него, но и свято соблюдал.

Если бы не встреча с Ниной...

Если б не взрыв на яхте Труфанова...

Если бы, да кабы...

В экспедицию к берегам Кампучии Дорохов отбыл с заветной кандидатской карточкой в кармане. Через год, если не будет замечаний по партийной линии, его обещали принять в настоящие коммунисты.

Но перед выдачей документа опытный секретарь организационного отдела райкома партии сказал Сергею:

– Береги, как зеницу ока. Паспорт можно восстановить, заявление в милицию напишешь, новый выдадут. А вот если эту «корочку» потеряешь, – не видать тебе гордого звания «коммунист»! Да и по аморалке не попадись. Молодой, красивый. И на будущее имей ввиду: спалишься на бабах – положишь партбилет на стол.

Последние три слова были грозным оружием. Под лозунгом «Интересы партии превыше всего» членов КПСС заставляли выполнить всё, что угодно. Ковырять картошку на замёрзших осенних полях под видом «шефской помощи селу». Очищать заплёванные улицы города в день Всесоюзного ленинского субботника. Отчислять часть собственного заработка на строительство очередного памятника. Обманутые жёны жаловались на измену мужей в партком, где производился детальный, с пристрастием и горячими подробностями, «разбор полётов». Наказывали за это, как правило, строгим выговором с занесением в учётную карточку партийца. Под страхом изгнания из рядов строителей коммунизма жили все. Пьяницы от греха подальше зашивались «торпедами», а блудливые мужья возвращались в семью.

Восемь суток качки на теплоходе до берегов Кампучии Сергей перенёс на удивление легко. Океан дыбился и опал, волны раскачивали белый пароход, палуба уходила из-под ног вбок и вниз, и конца и краю этим качелям не было видно. На обед пассажиры шли, держась за леера вдоль стен. Кто-то и есть не мог, сутками валяясь пластом на шконках, проклиная день и час выхода в рейс. А Дорохову – хоть бы что. Даже обидно, что в моряки не взяли.

Порт Кампонгсаом, куда они прибыли, как теперь выражаются, «с грузом гуманитарной помощи», уцелел практически весь. По крайней мере, причальные стенки оказались вполне пригодными для швартовки, а склады – для приёма груза с борта.

Городские же кварталы, наоборот, разворотило по полной: жилые дома, госпитали, фабрики, коммуникации – всё лежало в руинах. Но до порта изуверский молох Пол Пота и его «красных кхмеров» докатиться не успел. А может, жестокий правитель хотел сохранить сей стратегический объект для своих целей.

В политику Сергей не лез. Подписка о неразглашении ясно давала понять: занимайся тем, ради чего тебя сюда прислали. А раз уж ремонтировать причалы тебе как специалисту-гидротехнику не пришлось – работай, как все: вытаскивай мешки с рисом из трюмов и доставляй на берег.

Трудясь на складе, освобождённом от пушек и прочего оружия, Дорохов заметил, что местные жители, которые

также участвовали в разгрузке трюмов, специально дырявили чем-то острым уже сложенные в штабели мешки. Из отверстий тонкой струйкой сыпался рис. Кампучийцы подставляли карманы, набивая их доверху. Расчёт был прост: в ровно уложенных мешках никто не будет копаться, проверяя их на цельность. А если недостача раскроется – поди докажи, в чью смену дырки появились. Когда один и тот же тщедушный абориген в третий раз набил карманы рисом, Сергей спросил у переводчика:

– Куда он относит то, что в карманах? Ссыпает где-то за углом в свой собственный мешок? Но через проходную-то с ним всё равно не пропустят!

– А ты думаешь, на проходной охрана жрать не хочет? – усмехнулся толмач, повывавший здесь всякого. – У них свои семьи, только доступа к мешкам нету, вот и кооперируются... Сначала охране дань отнести, чтобы пропустили после смены. Потом себе набрать. Да про начальство не забыть! Голодают все. Для них эта чашка риса – спасение, как у нас кусок хлеба в войну. Им и зарплату рисом выдают. Видел у некоторых шрамы на предплечьях?

– Кстати, да. У многих, в одном и том же месте. За рис наказали?

– Превентивная мера! Сначала работникам прокалывали в двух местах кожу на руке, чтобы под ней можно было протянуть веревку. А потом их, бедолаг, по одной линии выстраивали на рисовых чеках, и пропускали через дырки на руках

одну общую верёвку. Все должны работать, не разгибаясь, от рассвета до заката. А кто нарушит приказ и встанет во весь рост, – за ним сразу вся цепь волной поднимается. Охранник видит: кто в центре синусоиды торчит – тот и зачинщик саботажа. Ну и всё, песня его спета: мотыгой по затылку – и в мутные воды Меконга. Вот такие порядки царили здесь при Пол Поте. Смысл жизни своих граждан этот упырь видел во всенародном труде – и принуждал к нему по-зверски, не спрашивая крестьян об их желаниях.

После этого разговора Дорохов проникся к местным жителям жалостью, старался помочь, поддержать щуплых кампучийцев, подставляя своё плечо для самых тяжёлых мешков. Кроме прямой помощи провиантом, следовало обучить крестьян премудростям стивидорной работы. Руководители первой экспедиции русских докеров в Кампучию сколотили для этого интернациональные бригады.

В одной из них Дорохов и трудился как самый обычный грузчик, работая с кампучийцами плечом к плечу. Выучил несколько слов по-кхмерски, старался утром приветствовать временных соратников на их языке: «Сусдэй! Сок сабай!», что означало «Здравствуй, как дела?» Ответа, конечно, он бы не понял в любом случае, но кампучийцы при этом расплывались в улыбке, и общая атмосфера теплела.

Рядом с крепкими парнями из мощной страны под названием «Союз Советских Социалистических Республик» маленькие и худые люди напоминали детей. Впрочем, были

среди них и дети – малолетние жители портового города, для которых докеры построили детский дом. Родителей многих из них убили полпотовцы.

Кроме того, ему удавалось проявить себя и как инженеру. В порту и прилегающей к нему части города требовалось наладить разрушенную войной водопроводную систему. Сергей вызвался помочь. Элементарный чертёж насосной станции и столь же простое его воплощение привели местное население в восторг. Девушки обливали друг друга водой из ковшиков, смеялись. Мокрые платья липли к их худеньким фигуркам с едва наметившимися женскими округлостями. Но выдержанные советские парни даже бровью на них не вели. «Сролань» – «любовь» в переводе с кхмерского – между командированными и местными запрещалась строжайшим образом.

– Три месяца воздержания! И чтобы никаких телесных контактов с местными красавицами! Ничего, перетерпите. Моряки и подольше вашего болтаются в железных коробках по океанам. И ничего, живые! – проводил с ними политинформацию комиссар отряда ещё на родине, до отправки к чужим берегам с пальмами и туземками.

Так что ни о каких шашнях с кампучийками никто из них даже не помышлял. На торжественной церемонии открытия водонапорной станции герою дня пожали руку и повесили на шею благоухающие бусы из белоснежных цветов плюмерии и жасмина. А потом отвели в сторонку – и предложили

остаться для восстановления разрушенного хозяйства.

«Был бы тамошним министром флота или строительства... – думал Дорохов, шагая до конца бухты в привычном прогулочном ритме. – Вон, олигархи сейчас за миллионы долларов острова себе в Камбодже покупают. А мне бы даром дали. Местных инженеров-азиатов тогда по пальцам пересчитать можно было – всех поубивали на войне. Из тех, кто выжил в джунглях, одни крестьяне и остались... Вот и было бы для меня „дело всей жизни“, я понимаю. Масштабы, цели. Не то, что эти лодки с моторами да пятьсот метров по причалу. И каждый день – одно и то же, третий десяток лет. Да только кто бы мне тогда разрешил остаться? Руссо коммунисто – облик морале...» – грустно усмехнулся владелец яхт-клуба.

Привычным движением он размял шрамы на левой ладони. Каждый раз, глядя на них, он вспоминал, как заработал себе ту чёртову травму в тропиках. И как пришлось обращаться к врачу, без чьей помощи он бы не справился с этой, на первый взгляд, пустяковой болячкой. Вот только рана оказалась куда опасней – как для здоровья, так и для личной жизни.

Когда бы Сергей ни вспоминал об этом, по сердцу будто пробегали электрические разряды, сбивая обычный пульс в хаотический перестук. И в подсознании вдруг всплывала кардиограмма, на которой самописец выводил не абстрактные волны и зубцы, а вполне конкретные буквы. На розо-

вой, в мелкую клетку бумаге они складывались в женское имя «Нина».

Эти нервные, заполошные буквы напоминали о первой, сладкой и преступной измене Сергея своей Ирине, оставшейся дома с маленьким сыном. В той жаркой каюте с Ниной он забыл обо всём – и о наставлениях комиссара, и о вожденной корочке коммуниста, и о жене.

Глава 3. Ниночка

Так и гулял бы Дорохов вдоль причалов, дыша морским воздухом и вспоминая молодость. Но мартовское солнце светит, да не греет. Свежий ветерок, просачиваясь сквозь тонкую, «на рыбьем меху» куртку, вынудил его вернуться в офис.

– Лена, собери совещание на четырнадцать часов. Обсудим противопожарную готовность на летний период. Нужны руководители подразделений и ответственные по технике безопасности. – Отдав распоряжение секретарше, он прошёл к кабинету и взялся за ручку двери. Но вдруг, обернувшись, спросил: – А сколько тебе лет?

Девушка растерялась. Она полагала, что шеф в курсе насчёт её возраста. На работу принимал, анкету смотрел.

«Забыл, что ли? Совсем уже старенький. Голова, вон, наполовину седая. А я ведь ему сказала на собеседовании. Но этот хотя бы добрый! Вот предыдущий – зверюга был...» – подумала Лена, а вслух ответила:

– Двадцать четыре.

Ни кокетничать, ни спрашивать «а вам зачем?» ей в голову не пришло. Сейчас её занимали другие мысли. О предстоящем выступлении на рок-концерте, с которым она связывала большие надежды.

«Вечером у группы репетиция. Если соло-гитарист снова

придёт бухой, придётся нового искать. До колик уже достал своими выкрутасами!

– Ленусик! Звезда рока! Мы порвём всех, вот увидишь! С твоим вокалом мы первые форева! – повторяет он ей всякий раз одно и то же. Ждёшь его на репетицию, как дура, а он заваливается никакущий... Но без него как? Пальчики у него офигенские, когда трезвый – летают по грифу, как у Блэкмора. А набухается – лопату в руках не держит. Два года уже сыгрываемся – и всё псу под хвост? Опять на летний фестиваль не попадём?»

Даже не обладая эффектной внешностью, в своей рок-тусовке Лена чувствовала себя королевой. Группу делает вокалист, она это знала прекрасно. Подумаешь, внешность! Что, все известные рокеры – красавицы и красавцы? Да и безупречное знание английского наделяло её непререкаемым авторитетом среди своих.

«А вдруг и на мировую сцену прорвёмся? Кто там на русском нас слушать будет? – думала дальше Лена, проводив взглядом шефа в кабинет. – На летнем фесте надо выступить так, чтобы все понаехавшие продюсеры упали и не встали. Потом придут и слава, и деньги. И уже не придётся тут больше зад просиживать да кофе подавать. Пришла сюда за олигархом с яхтой, а тут одно старичье со своими любовницами. Дома у них ещё и жёны с детьми. А то и со внуками. Даже шоколадки от них не дождёшься, а замуж и подавно никто не позовёт. Только время здесь трачу попусту!»

На эту работу Лену устроила мама, Татьяна Кормушкина. Школьная подруга бывшей жены шефа – Ирины. Несмотря на развод Сергея с Ириной, мама продолжала дружить с обоими, и потому, не стесняясь, позвонила Сергею Семёновичу с просьбой трудоустроить дочь. У Лены с мамой отношения были жёсткими, но сама она даже с дипломом приличной работы найти не могла. Не в школу же учителем идти, с высшим-то образованием! Вот и приняла «добрячок» от матери, – впрочем, как нечто само собой разумеющееся.

А на мать она дулась из-за бывшего Татьянинного сожителя. До встречи с ним и мама, и дочка жили в одной квартире с бабушкой. Отчаявшись найти подходящего жениха, Татьяна в тридцать три родила ребёнка «для себя». А позже, в бурные девяностые, Татьяне «повезло» – встретила одного из «новых русских», человека с деньгами. Он-то и взял на содержание как её саму, так и девочку.

Положение падчерицы у маминого «гражданского мужа» по имени Эдуард травмировало Ленино детство. Хотя девочку тот не обижал, денег давал – и даже выделил ребёнку отдельную комнату в своей съёмной квартире.

Но Лене в упор не нравилось то, как мамаша пресмыкается перед Эдуардом.

– Чего ты при нём сгущёнку из банки цедишь? – выговаривала мать ещё в раннем детстве. – Пойми ты, нас взял в семью культурный человек! Надо стараться ему угождать. Возьми, перелей сгущёнку из банки в тарелочку, да и черпай

оттуда чайной ложкой понемногу. Напустишь слюней в банку – как после тебя оттуда брать? Или не видишь, как он брезгливо на это смотрит? Эдик нас кормит, поит, обувает и одевает. Не перечь ему! И вообще, когда он дома, старайся из своей комнаты не выходить. Он устаёт на работе, не мельтеши тут перед ним!

Однажды Лена подслушала, как мама болтала со своей лучшей подругой – тётей Ирой Дороховой. Обе сидели за кухонным столом, а дверь не закрыли. Лена хотела спросить у мамы, как решить задачку по математике, но невольно услышала обрывок их разговора – и уже не решилась войти.

А женщины говорили о своём. О неверности мужей.

В большой миске перед ними стояла варёная картошка, посыпанная сухим укропом. Молочная колбаса на тарелке, пожаренная кругляшами, завернулась по бокам и поблёскивала капельками жира. Бутылка красного вина, распитая наполовину, не давала желаемого «веселящего» эффекта, а только погружала в безысходность.

– Ты что, вот это и на ужин своему благоверному подаёшь? – Ирина кивнула в сторону картошки.

– Смеёшься? Да он бы нас с Ленкой выгнал отсюда в три секунды! Он же эстет, ты понимаешь. Ему и пельмени только ручной лепки подавай. А я что, рабыня Изаура ему, фарш месить обязана? Нет, уж, дудки, в поварихи я не нанималась. Сейчас домработница у себя дома налепит, заморозит и принесёт. А я сварю, пока он душ примет, и скажу: «Милый,

полдня лепила ради тебя!»

– И что, верит?

– Верить-то верит... Только на ужин приходит не каждый вечер.

Женщины помолчали, потягивая вино и закусывая колбасой. Татьяна продолжила:

– Я вот думаю, а если он уйдёт к другой... Хату мне оставит? Не выгонит, будет оплачивать? Он же в благородного играет. А если не оставит – что нам, к матери опять в «хрущёвку» возвращаться? Так-то на первое время денег хватит, я занываю с тех, что он даёт на домашние расходы.

– У тебя, вон, всё блестит да сияет и в ушах, и на пальцах, – Ирина вилок указала на кольца подруги.

– Да это и всё моё богатство. Деньги кончатся – «брюлики» продавать начну. Хорошо, что приучила его к каждому празднику золото мне покупать. Хоть так откупается за своих проституток. У них, видите ли, мода такая: чёрный джип и любовница! Обязательное условие для бизнеса, ага. А дом – это типа крепость, надёжный причал. А я, значит, крахмаль ему полотенца и рубашки наглаживай? Да пошёл он!

Из того разговора Лена поняла не всё, но детское чутьё подсказало, что мужчина, живущий с ними под одной крышей, – человек ненадёжный. И возможно, скоро они вернуться в уютную бабушкину квартирку, и всем снова станет хорошо.

Где Эдуард уставал, было загадкой. Чем занимался – тоже. Через несколько лет, в самом конце девяностых, его застрелили на выходе из ночного клуба «Парк-Рояль». Вместе с молодой любовницей. Большую чёрную машину с американским названием «Кадиллак Эскалэйд» изрешетили навывлет из автоматов. Эдуард соблюдал «правила»: дома должна ждать «гражданская жена» с ребёнком, пускай и с чужим – так даже благороднее. Честная, верная, с горячими пельменями на столе в любое время дня и ночи. С любовницей принято появляться в злых местах. А в крутом джипе должен ждать преданный «водила» – шофёр с накачанными бицепсами, умеющий метко стрелять.

Жили они на съёмной квартире в престижном районе – на полуострове Шкота с высокой сопкой посередине и маяком на каменистой косе со странным названием «Токарёвская кошка». Дорога по нему тянулась всего одна, поскольку полуостров в самой широкой своей части был каких-то метров пятьсот. По обочинам, на узкой полоске земли между морем и дорогой, лепились над обрывами дома. В день, когда изрешеченного Эдуарда повезли в последний путь, огромная процессия растянулась от Казанского моста до железнодорожного вокзала. Впереди шли крепкие молодцы и попарно несли огромные венки из сосновых лап. Промеж хвойных веток алели гвоздики. Сочетание зелёного с красным смотрелось особенно контрастно на фоне чёрных шёлковых сорочек с длинным рукавом, в которые вырядилась молодая

бандитская поросль.

За автобусом с телом покойного и с его же фотографией на лобовом стекле катилась нескончаемая вереница самых модных и дорогих автомобилей города. И в каждом (кто за рулём, а кто пассажиром) сидел такой же потенциальный кандидат на кладбищенское место. Впрочем, некоторые из них и вправду очень скоро проделали этот путь вслед за Эдиком.

Процессия растянулась на километр. Случайные прохожие вглядывались в фотографию, силясь опознать в ней соседа или знакомого. У многих жителей города в те годы был свой «блат», своя «крыша» в криминальном мире. Их житейские вопросы и споры частенько решали такие же «авторитеты», как Эдуард.

Для пешеходов в таких масштабных процессиях существовало негласное правило: ни в коем случае не переходить дорогу перед похоронным кортежем.

– Наперёд покойника торопишься? – могли сказать смельчаку. – Смотри, как бы следующим не стал!

При воспоминаниях об Эдуарде у Лены портилось настроение, а то и случался приступ ненависти ко всем мужчинам сразу. Может, ей просто не нравилось его имя? Или было жалко сгущёнки, которую мамаша когда-то вырывала у неё из рук? Но инстинкт выживания всё равно нашёптывал: «Надо замуж, дурочка! Ищи мужа, а то останешься одна!» Вот и согласилась работать как можно ближе к дорогим парусни-

кам, сильным мужчинам и толстым бумажникам. Но принц на белой яхте в роли жениха всё не объявлялся. И Лена уже всерьёз подумывала оставить яхт-клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.